

ФАКТОРЫ РИСКА НА МИРОВОМ РЫНКЕ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ: САНКЦИИ, ГЕОПОЛИТИКА И РОССИЙСКИЙ ЭНЕРГОСЕКТОР. АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

Дата поступления в редакцию: 25.03.2022.

Для цитирования: Факторы риска на мировом рынке энергоресурсов: санкции, геополитика и российский энергосектор. Актуальные интервью / С. П. Митрахович, М. Р. Салихов, И. В. Юшков. – Геоэкономика энергетики. № 1 (17). С. 6–33. DOI: 10.48137/2687-0703_2022_17_1_6

Ключевые слова: экономические санкции, эмбарго на экспорт нефти, угля, динамика цен на энергоносители, геополитические факторы, мировой энергетический рынок, рынок энергоресурсов ЕС.

Аннотация

В материале представлены экспертные мнения ведущих специалистов по ситуации на мировых энергетических рынках, складывающихся в условиях всеобъемлющих экономических санкций против России. Экспертами даны оценки геополитических, экономических и логистических факторов в новой системе дискриминационных санкций по отношению к российским энергокомпаниям, также оценены негативные эффекты их влияния на мировые энергетические рынки и российский сектор энергетики.

Объявленная «тотальная санкционная война» против российской экономики удивительным образом шадит экспорт энергоресурсов, не считая эмбарго со стороны США, Канады и Великобритании. По состоянию на конец марта текущего года влияние этих ограничений не обеспечило коллективному Западу достижение желаемых результатов, что, очевидно, будет провоцировать их усиливать санкционное давление. В этой связи редакция журнала проводит серию бесед с ведущими экспертами в области энергетического сотрудничества России со своими основными партнёрами о ситуации на мировых энергетических рынках и факторах, на них влияющих. Обсуждение актуальных и острых тем, востребованных в экспертных и научных кругах, станет новой рубрикой нашего журнала,

в котором будут представлены взвешенные оценки и анализ ситуации в текущем моменте.

Беседы провела главный редактор Аза Мигранян.

Станислав МИТРАХОВИЧ

Аза Мигранян: *Как мы понимаем, нас ждут нелёгкие времена. Но в то же время любой кризис — это всё-таки и шанс, как говорят в Китае.*

В связи с этим хотелось бы с Вами поговорить о том, какие сдвиги происходят на рынках нефти и газа, энергоресурсов в целом. Рассмотреть вопрос с ураном, в связи с тем что до вчерашнего дня мы слышали лишь об ограничениях вне данного сегмента.

Мировая экономика адаптировалась под текущие ограничения в надежде, что они не коснутся поставок российских энергоресурсов. Однако недавнее заявление президента США Джо Байдена о том, что США и Великобритания объявляют эмбарго на поставки российской нефти и газа, внесло ряд вопросов.

В связи с этим у редакции возник вопрос: насколько российская экономика готова к такому развитию событий? Можем ли мы на сегодняшний день говорить о том, что наши трейдеры и производители смогут каким-то образом заместить рынки сбыта?

Станислав Митрахович: Вопросы крайне острые и актуальны. Однако они находятся в процессе развивающегося кризиса, поэтому здесь можно сказать максимум версионно.

Были ли готовы к тому, что могут быть ограничения по Америке? Я думаю, да. По той причине, что Америка никогда не была для нас приоритетным рынком. Гораздо больше нефти и нефтепродуктов Россия поставляет в Европу.

Около половины добываемой в России нефти идёт на экспорт. Другая половина перерабатывается на территории страны; в свою очередь, половина от этого объёма также экспортируется. Российский экспорт составляет более 8 млн баррелей, что является довольно большим объёмом, заменить который ни у кого не получится в силу как раз масштабов.

Можно ли жить без Америки? Давайте вспомним, что несколько лет назад не было масштабных поставок нефти и нефтепродуктов в США, потому что не было жёстких американских санкций в отношении Венесуэлы.

МИТРАХОВИЧ Станислав Павлович, ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности и Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: stasmitr@mail.ru. SPIN-код: 6679-3103.

Как устроена американская нефтепереработка? Максимальная маржа для завода получается при переработке тяжёлой нефти и нефтепродуктов. В таком случае завод получает наибольший доход, имеет оптимальный выход, а его владелец, в свою очередь, имеет на руках максимальную выгоду.

Перестройка заводов на лёгкую американскую нефть технически возможна, особенно если учитывать высокие геополитические ставки. Однако в таком случае произойдёт нарушение цепочек и владельцы потеряют свою прибыль.

Так вот что делали американцы? Они экспортировали лёгкую нефть за рубеж, в том числе в Европу, в азиатские страны, а сами закупали в том числе российские тяжёлые нефтепродукты, добавляли их в микс того, что идёт на завод, и зарабатывали на этом деньги. По большому счёту до недавнего дня это более-менее всех устраивало. Заводы будут и дальше продолжать работать, но в данном случае они стали заложниками политических решений.

Что американцы в основном у нас покупали — это мазут. Причём даже по документам это не столько называлось *heating oil* (мазут по-английски), а указывалось транслитерацией латиницей — *masut*. Он был оптимальный, чтобы его добавлять в микс.

А. М.: Эмбарго наших нефтепродуктов США вызвало рост цен в Америке. Конечно, это не вызовет катастрофических последствий для них, так как, по разным оценкам, российская нефть и нефтепродукты составляли от 3 до 8 % от объёмов импорта нефти и нефтепродуктов США и Великобритании. Очевидно, что решение носит имиджевый характер, но каковы его последствия?

С. М.: Возможно, США пытаются вернуть Венесуэлу на свой рынок, с этой целью была направлена делегация. Насколько известно, никаких договорённостей достигнуто не было, но переговоры продолжаются.

В любом случае венесуэльская экономика разрушена, быстро восстановить добычу не получится: на это надо больше года даже с учётом гипотетического прихода американских инвестиций. Она, во-первых, разрушена за счёт санкций, а во-вторых, за счёт «суперграмотного» управления «мадуrowцами»: они сами обвалили экономику даже задолго до полномасштабных санкций. Соответственно (но это далеко не факт), через год добыча в Венесуэле составит в лучшем случае 1 млн баррелей в год.

Кроме того, с точки зрения стратегии столь быстрое снятие санкций с Венесуэлы является сомнительным. Поскольку одна из идей санкций — показать, что мы (США) можем действовать очень долго, прочно, если нужно, будем держать эти эмбарго бесконечно — десятилетиями и столетиями.

В данный момент получается, что в случае необходимости приезжает делегация, рассказывает лидеру государства, что он больше не кровавый дик-

татор и дальше с ним можно сотрудничать. Похожая ситуация была и с Ираном. Кроме того, возникает вопрос: на какую перспективу это актуально?

Что, если через три года начнётся конфликт с Китаем по Тайваню или по другим вопросам? В таком случае нужно отправлять делегацию в Россию и говорить: «Россия, помоги против Китая». Следовательно, быстрое снятие санкций с Ирана и Венесуэлы стратегически может играть против американцев. Однако в случае с нефтью данные меры могут помочь.

Что касается иранской нефти, то она тоже использовалась американцами для переработки. И как раз её тоже отчасти Россия заменила за счёт поставок последние годы. Россия занимала второе место по поставкам, соревнуясь с Мексикой. На первом же месте была Канада с отрывом в 3 и иногда даже в 4,5 раза. Это объясняется тем, что Канада находится близко к США и обладает большими запасами нефти.

Кроме того, Канада — политический вассал, обладающий готовыми нефтепроводами. Единственное — что Канада очень недовольна методами Байдена по торможению нефтепровода *Keystone XL* из Канады в США под зелёной повесткой. Но несмотря на недовольство, это никак не меняет статус Канады как политического вассала американцев.

Что касается американских нефтяников — могут ли они сами увеличить добычу и начать замещать Россию непосредственно с места в карьер? Аналитики прогнозируют возможный рост — 2 млн баррелей в сутки. Но американская нефтянка очень озлоблена на власти из-за зелёной повестки.

Эта зелёная повестка не была настолько жёсткой, как некоторые ожидали, но все равно она была достаточно жёсткой, чтобы нефтяники это заметили. И сейчас они говорят: «Вы нам рассказывали про декарбонизацию, про *ESG* (стандарты *Environmental, Social, Governance*), которые фактически демонизировали инвестиции в нефтянку, вы потворствовали всевозможным активистам, некоторые активисты залезли даже в состав акционерного капитала *Exxon*. Вы нам мешали работать, ограничивали доступ к лицензиям на разработку недр на федеральных землях, федеральных акваториях в Америке».

Понятно, что большая часть добычи ведётся на частных территориях Америки, но и в федеральных акваториях тоже проходят работы по добыче, что имеет большое значение.

Необходимо отметить, что если бы такие цены, как сейчас, были 5 лет назад, то добыча нефти в США выросла бы в разы. Но 5 лет назад не было такой зелёной повестки, не было такого ограничения финансирования со стороны банков.

А. М.: *То есть возникает ситуация, когда санкции создали определённые предпосылки для того, чтобы тормозить развитие этой отрасли? И не только в Соединённых Штатах, но и в Европе тоже? А также агентов вроде BP, Shell и так далее, которые в данную повестку интегрированы?*

Можем ли мы говорить, что эта ситуация — это своего рода артподготовка к радикальной смене на долгосрочную перспективу конъюнктуры рынка и самих рынков, а также потребления?

С. М.: Я полагаю, что последствия действительно будут масштабными. Сейчас сложно сказать, насколько масштабными, необходимо анализировать все возможные версии. Но совершенно точно, что существующая реальность значительно отличается от той, что была ранее. При планировании своих действий политики пытаются просчитать все возможные варианты, но всё-таки допускают ошибки.

На Западе популярна версия, что Россия неправильно сделала расчёт по поводу Украины. Но мы можем предположить, что и в Америке далеко не всё правильно рассчитали. Америка считает, что в силу того, что она сверхдержава, у неё есть объективно сильные стороны, рано или поздно она достигнет заявленных целей. Как и в России существует точка зрения, что по окончании спецоперации на Украине Россия достигнет поставленных целей даже в условиях санкционного давления. Будущее покажет.

Америка считает, что она экономически победит, хотя блицкрига в отношении России, который бы за несколько недель санкций привёл к смене режима, очевидно, нет. То есть если, возможно, нет военного блицкрига на Украине, то нет и экономического блицкрига Запада в отношении России, это совершенно объективно.

Но если считать результатом блицкрига смену власти, то в случае Ирана смена власти не произошла даже за десятилетия санкций. Это просто констатация того факта, что есть пределы эффективности даже супержёстких санкционных механизмов. И если Иран выжил в 80-е, 90-е и нулевые годы, то, я думаю, гораздо больше шансов у России выжить даже под санкциями.

Необходимо также отметить, что текущая ситуация может повлиять на фундаментальные изменения на рынке.

Я бы, конечно, смотрел шире и на финансы, и на сырьевые товары. Меня, например, поразила история с Объединёнными Арабскими Эмиратами и Саудовской Аравией. На них давили США, чтобы те отказались от планов по ОПЕК+ и увеличили добычу прямо здесь и сейчас. Совещание ОПЕК+ по данному вопросу длилось всего 13 минут, поскольку Саудовская Аравия и ОАЭ увеличивать добычу нефти не хотят. Более того, практически все участники ОПЕК+ уже достигли максимума по добыче. Единственное исключение — это как раз КСА и ОАЭ.

Моя версия — что Россия до этого кризиса уже почти выходила на пик добычи. Ряд коллег считали, что небольшие увеличения возможны были в течение полугода-года, но всё равно добыча была на грани максимальной.

Азербайджан, Нигерия и другие страны уже достигли предельного максимума. А Саудовская Аравия и ОАЭ могут в каких-то пределах нарастить добычу, но всё равно не полностью заменить Россию.

Однако, *во-первых*, ОАЭ и КСА не заинтересованы в падении цен, а *во-вторых*, я думаю, на них произвели впечатление такие глобальные вещи, как пересмотр правил игры. В том числе заморозка активов российского Центрального банка.

Возникает резонный вопрос: есть ли гарантия, что арабские, китайские, бразильские, индийские долларовые инвестиции не будут просто заморожены по аналогичной схеме? Если возможно предпринять такие действия, соответственно происходит децентрализация, регионализация мировой финансовой системы и очевидный подрыв доверия к доллару. Я далёк от мысли, что завтра доллар будет никому не нужен, но движение в сторону явного снижения доверия к доллару очевидно. Потому что раньше любой арабский банк, центральный банк или российский, или индийский мог в западных банках в долларовых активах хранить деньги (долларовые активы могут быть не только в западных банках, но электронные транзакции в долларах в любом случае находятся под контролем ФРС и могут быть заблокированы), — теперь выясняется, что их можно в момент заморозить.

В своём интервью *The Atlantic* саудовский принц Салман сказал, что Саудовская Аравия может увеличить, а может и уменьшить инвестиции в американскую экономику. Это для России довольно чёткий сигнал: естественно, мы рассматриваем вариант уменьшения. Я думаю, на него произвела впечатление заморозка российских активов.

Второе, но не менее важное заявление звучало о том, что ему всё равно, правильно или неправильно понимает его Байден. Я не помню за последние десятилетия, чтобы лидеры нефтяных монархий позволяли себе такие высказывания.

На сегодняшний день американской администрации нужно временно примириться с Ираном, уговорить Саудовскую Аравию отнестись к этому спокойно, да ещё и увеличить добычу. Хотя известный факт, что в 2016 г., когда администрация Обамы пыталась снять санкции с Ирана, КСА провело ряд провокаций с целью настроить американцев на сохранение санкций.

В текущей же ситуации выясняется, что для США и с Ираном нужна сделка, и с Саудовской Аравией нужна сделка, и одновременно ещё с Венесуэлой нужна сделка. Отсюда вытекает довольно-таки напряжённая ситуация.

* * *

Теперь перейдём к рассмотрению изменения торговли с точки зрения финансов. Несмотря на то что масштабных заявлений со стороны россий-

ских компаний об отказе от американской валюты нет, «Роснефть» несколько лет назад объявляла о заключении новых контрактов вне доллара.

«Газпром нефть» официально заявляла, что с 2015 г. расчёт за поставки нефти в Китай происходит в юанях. Несмотря на общую привычку вести расчёты в долларах и недоверие к курсу юаня, поскольку китайская валюта стоит столько, сколько ей скажет стоять китайское правительство, «Газпром нефть» нашла вариант, как использовать юань. Соответственно, компания видит в нём актив, с помощью которого можно работать. Возможно, это был первый предвестник. Я не исключаю, что какие-то изменения произошли и в других компаниях.

Не так давно прошли переговоры президента Турции Реджепа Эрдогана с Владимиром Владимировичем Путиным об использовании при заключении контрактов других валют, помимо доллара. Рассматриваются варианты использования рубля, лиры или валюты других ближневосточных посредников. Например, российские поставки нефти теоретически вполне могут вестись в Турцию без доллара в случае, если переговоры окажутся успешными.

Такая регионализация возможна и на других рынках. Не так давно в Россию с визитом приезжал министр Пакистана, переговоры были по поводу того, как мы видим проекты по поставке сжиженного газа в Пакистан.

Я думаю, что контракты с этими странами теоретически могут быть уже меньше связаны с долларами. Но этот переход, по всей видимости, будет очень сложным и очень долгим. Однако движение в эту сторону есть, потому что не только у России, но и у других стран возникает совершенно рациональное подозрение, что транзакции долларов могут быть заблокированы, а счета в банках могут быть арестованы. Так что, наверное, всё-таки мы движемся к регионализации и децентрализации финансовой инфраструктуры.

Если бы в сложившейся ситуации Китай более интенсивно высказывался в нашу пользу, наверное, процесс был бы быстрее. Однако, учитывая, что Китай пытается схитрить и пройти между Сциллой и Харибдой, этот переход будет менее быстрый. Но впечатление явно на всех произвёл арест активов. Торговля в долларах — это значит, что в любой момент вы можете её лишиться, вот в чем вопрос.

А. М.: Таким образом, фактически мы имеем вторичные изменения на рынках энергоносителей, а всё-таки коренным образом у нас меняется финансовая архитектура взаимодействия на мировых рынках. С учётом того, что возможно субрегиональное макропространство и формирование каких-то региональных платёжных систем с очевидно превалирующими валютами. Например, Азиатский регион — возможно, это юань, Евразийский регион — это может быть рубль, Европейский — это евро сохранит свои функции, хотя очень много алармистских сведений о том, что система евро может быть разрушена в силу этих процессов.

Но тем не менее из европейского пула к американским санкциям присоединился только Лондон. И соответственно, сегодня мы уже отчётливо слышим жёсткую позицию большинства европейских стран, и в частности Германии, о том, что они не в состоянии позволить себе такую роскошь, как применить санкции в области энергетики ради геополитической игры. И здесь, мы очевидно, будем рассматривать не только нефть, но и газовые поставки, трубный газ, которые на сегодняшний день остаются в центре внимания. В первую очередь — судьбу «Северного потока — 2», который остался в зависшем состоянии. Некоторые горячие головы предрекают конец проекту, другие говорят, что банкротство Nord Stream — лишь переходный этап.

Соответственно, что мы можем предпринять в данном направлении и каковы могут быть рестрикции в отношении российских поставщиков, в частности «Газпрома» и поставщиков нефти? И будет ли у нас возможность диверсификации этих поставок либо сохранения их?

С. М.: Вопрос по «Северному потоку — 2» мы сейчас обсудим, однако, по моему мнению, учитывая ставки, которые сейчас есть в геополитической игре, большего внимания заслуживают поставки по имеющимся маршрутам. Основным вопросом является, подвергнутся ли они заморозке или нет.

Что же касается проекта «Северный поток — 2», то на данный момент он действительно заморожен. Газопровод находится в подвешенном состоянии как с технической стороны, так и с юридической. С технической стороны — его законсервируют, за что будет платить «Газпром» через Nord Stream 2 AG.

С юридической стороны ситуация несколько сложнее. Nord Stream 2 AG — дочерняя компания «Газпрома», которая владеет «Северным потоком — 2». Деньги на строительство газопровода давали 6 компаний — «Газпром» половину и консорциум из 5 компаний вместе. Эти компании не собственники, не сособственники, в отличие от «Северного потока — 1», — они просто кредиторы. Если будет банкротство Nord Stream 2 AG, значит, компании свои деньги не получат, их придётся просто списать. Поэтому представители этих компаний обращаются в «Газпром» с просьбами не торопиться с объявлением банкротства в надежде, что ситуация каким-то образом разрешится.

Разрешиться сложившаяся ситуация может двумя вариантами. Значительное количество людей на Западе верит в сценарий смены режима в России либо через акции протеста, либо через элитный заговор. Поэтому сохраняется вариант с ведением торговли, соответственно газопровод ещё можно будет использовать и качать газ по низким тарифам.

Другие люди не верят в смену власти в России, но считают, что, может быть, в силу западно-китайского конфликта Запад и Россия всё-таки отношения наладят в среднесрочной перспективе.

В целом активна позиция, что газопровод ещё может пригодиться. А в связи с тем, что за сохранность платит «Газпром», необходимости в его разборе нет. С юридической точки зрения этот вариант тоже можно оставить в подвешенном состоянии. В случае же объявления банкротства будут списаны инвестиции компаний, вложивших в строительство «Северного потока – 2» средства.

На данный момент наиболее вероятным сценарием будет оставить газопровод в неопределённом положении. Возможно, в будущем он будет продан. Покупателем для доли, не принадлежащей «Газпрому», могут стать как американцы или китайцы, так и ближневосточные компании, но которые должны будут понимать, что проект будет работать. Потому что купить то, что не работает, бессмысленно.

Демонтаж газопровода не необходим, он может существовать в законсервированном виде десятилетиями. Неясно, какие именно отношения будут у России и Европы через 10 лет. Мы сами не знали, какие будут отношения России с Европой, месяц назад. Поэтому громкие заголовки о том, что газопроводу «Северный поток – 2» конец, — это всего лишь провокация.

* * *

По аналогии стоит рассматривать и заявления компаний об уходе с российского рынка. В действительности они ждут, что произойдёт на самом деле. Возможно, они вернутся на рынок после окончания острой фазы кризиса, поскольку не хотят отдавать свой процент прибыли китайским компаниям, которые могут делать всё. Сейчас на рынок активно выходят китайские бренды электроники и автомобилей.

Конечно, Россия сама будет расширять спектр импортозамещения, в том числе в сфере нефтегаза. Потому что лет 10 назад наши химия или технические решения для нефтепереработки были гораздо слабее, сейчас же ситуация стала намного лучше.

Российские компании, предлагавшие технологические решения, в том числе в сфере нефтесервиса и модернизации НПЗ, зачастую проигрывали не из-за слишком явного несовершенства их технологий, а из-за условий тендеров и конкурсов, на которые западные конкуренты приходили с лучшими финансовыми предложениями на базе более лёгкого доступа к кредитным ресурсам. В итоге западные компании зачастую выигрывали за счёт предложения более выгодной потребителю схемы оплаты — из-за того, что у российских конкурентов был куда более сложный доступ к кредитному финансированию своей работы. Поэтому уход с российского рынка европейских компаний может способствовать ускоренному импортозамещению в этом сегменте.

Однако технологии для крупнотоннажного сжижения газа у России нет. Новый проект «Арктик СПГ – 2» должен быть на технологиях компании

Linde *. Компания *Total* заявила, что выходит из новых проектов, не будет инвестировать в них, а в старых остаётся.

Возникает вопрос: «Арктик СПГ 2» — это новый проект или старый? Инвестиционное решение принято, началось строительство, но не закончилось. Я думаю, здесь такая хитрость — объявить его имеющимся проектом и доделать, но ещё необходимо техническое решение *Linde*, останутся они в проекте или нет.

Проект в Усть-Луге — совместная инициатива «Газпрома» и «Русгаздобычи». Ключевую технологию крупнотоннажного сжижения газа для проекта должна была дать немецкая компания *Linde*, но она объявила о прекращении работы с новыми проектами в России. Придётся создавать новую российскую технологию, по всей видимости, дорабатывать и адаптировать технологию «Арктический каскад» **. По одной из версий, СПГ из Усть-Луги мог бы идти в Пакистан, где при участии российского бизнеса уже реализуется проект «Пакистанский поток» для прокачки регазифицированного газа с юга страны на север.

* * *

Кстати, я думаю, что продажи других российских товаров тоже, возможно, будут уходить от доллара, это касается и никеля, и других металлов. При расширении использования никеля начнётся новый период, будет более дешёвая промышленная система хранения энергии и аккумуляторы для электромобилей.

Но выяснилось, что никель тоже поставляется из России, как и медь и палладий. Так что я не очень верю в сценарий быстрого отказа. Потом, действительно, почему паника сейчас несколько улеглась? Паника улеглась на фоне заявлений ключевых политиков Европы о том, что торгового эмбарго здесь и сейчас они пока не ожидают.

То есть цены высокие, но не сверхвысокие (на пике вырастали до 100 тыс. долл. за метрическую тонну никеля, потом падали раза в три). Ряд европейских стран, такие как Болгария, Венгрия и Сербия, не присоединились к эмбарго на российские ресурсы. Это свидетельствует о том, что быстрой замены российским поставкам не получится.

* Немецкая компания, специализирующаяся на технологических газах, имеет большую историю сотрудничества с Россией ещё в период Советского Союза и Российской империи.

** «Арктический каскад» — российская разработка, работает на четвёртой (малой) линии «Ямал СПГ», пока к её работе есть претензии. Технологию ещё придётся дорабатывать как российским поставщикам оборудования для неё, так и самому НОВАТЭКу, который, собственно, и является конечным эксплуатантом этой технологии. «Арктический каскад» — скорее среднетоннажная технология, чем крупнотоннажная. Крупную обычно считают с 1 млн т в год, четвёртая линия «Ямал СПГ» рассчитана на 0,9 млн т в год.

В ЕС разрабатываются различные планы энергонезависимости от России, но они все упираются в целый ряд ограничений.

Во-первых, нужно сократить потребление, металлургическая промышленность уже сильно сократила использование — на 40 % (до острой фазы кризиса, прошлое полугодие) алюминий, цинк, азотные удобрения, а сейчас придётся урезать ещё сильнее.

Во-вторых, нет гарантии, что при частичном отказе от газа не будут прекращены поставки в целом. В случае нарушения контрактов, по моему мнению, Россия может пойти на шоковое решение.

Европейская комиссия в марте 2022 г. написала целый доклад по теме сокращения закупок Европой российского газа на 60 % уже в 2022 г., а это прямое нарушение контрактного правила «бери или плати», и это нарушение было фактически открыто анонсировано из Брюсселя. В этом плане потенциальное сокращение сроков долгосрочных контрактов не стоит рассматривать как значимую угрозу для России, а скорее как допустимый компромисс.

Марсель САЛИХОВ

Аза Мигранян: Здравствуйте, Марсель Робертович. Спасибо большое, что Вы откликнулись.

Редакция хотела бы задать Вам ряд вопросов по актуальной ситуации в энергосфере, и мы надеемся на продолжение нашей беседы сразу после объявления контрсанкций.

В первую очередь хотелось бы узнать Ваше мнение по поводу того, что вопреки ожиданиям исключения энергосектора из санкционного пула Соединённые Штаты и Британия объявили, что они объявляют эмбарго на импорт российской нефти. Скажите, пожалуйста: это игра на опережение? Это игра, которая формирует совершенно новые сдвиги на рынке? Или это просто ситуативная реакция?

Салихов Марсель: Если говорить об эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов, мне кажется, здесь важно различать два аспекта.

Первый аспект заключается в формальных ограничениях, которые вводятся странами, что мы называем санкциями, а второе — это то, что делают компании и как они принимают решения.

САЛИХОВ Марсель Робертович, президент Института энергетики и финансов, главный директор по экономическому направлению, кандидат экономических наук. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, Архангельский пер., 101000, д. 7. **E-mail:** info@fief.ru. **SPIN-код:** 9493-3066. **ORCID:** 0000-0002-7489-3230.

Россия столкнулась в последние недели с неформальными санкциями, связанными с тем, что компании отказывались покупать российскую нефть. Мы видели, что это приводило к рекордной скидке на нефть *Urals*. Уменьшения спреда затронули не только *Urals*, но и сорта, поставляемые в Азию.

Это свидетельствует о том, что давление со стороны западных компаний осуществлялось и до принятия рассматриваемого решения. Несмотря на отсутствие формального запрета для западных компаний приобретать российскую нефть, у них всё-таки есть опасения, что новые санкции могут быть введены в будущем. Кроме того, за период от покупки нефти до ее фактического получения возможны значительные геополитические изменения.

Рассматривая второй вопрос, необходимо отметить, что Канада отказалась приобретать российский энергоресурс ещё до введения эмбарго. Хотя в случае Канады речь идёт о небольших объёмах (на 50—60 млн долл. поставок нефти и нефтепродуктов из России в Канаду осуществлялось в последние годы). В случае с США это достаточно серьёзный вопрос, потому что поставки в Штаты составляют около 7 % российского экспорта. Поставки в Великобританию также составляют небольшой процент.

Мне кажется, что базовый сценарий, основанный на вводимых ограничениях, заключается в сокращении физических поставок. Несмотря на возможность переориентации рынка на азиатские страны, в ближайшей перспективе (около года) стоит ожидать некоторого сокращения поставок на экспорт. Но не следует впадать в крайности и утверждать, что отказ от российских ресурсов будет глобальным. Несмотря на то что США, Канада и Великобритания действительно могут отказаться от российских ресурсов, большая часть европейских стран одномоментно отказаться не сможет. Значительная часть стран Европы связаны с Россией инфраструктурой трубопроводных поставок нефти. Соответственно, глава Европейской комиссии заявил, что ЕС не собирается вводить ограничения на поставки из России в силу невозможности их замены.

Однако, несмотря на сокращение физических потоков экспорта, при этом одновременно будет идти поиск альтернатив, замещения и, по возможности, перехода на азиатские рынки, где ограничений меньше.

Необходимо понимать, что сейчас достаточно острая фаза, когда многие компании принимают решение не предпринимать каких-либо действий до прояснения, что тоже оказывает влияние на текущие покупки.

Однако я хотел бы отметить, что в России есть представление о том, что отечественные ресурсы всё равно будут покупаться. Но крайне важно разделять краткосрочный и долгосрочный аспекты. Если рассматривать краткосрочный период — около года или ближайших месяцев, — то отказаться от российских ресурсов покупателям действительно невозможно. В связи с этим можно наблюдать скачок цен, свидетельствующий о реакции рынка на вводимые ограничения. Тем не менее необходимо учитывать, что в период

5–10 лет у стран Европы появится гораздо больше возможностей отказаться от поставок из России. В случае принятия соответствующего политического решения страны ЕС готовы будут сократить потребляемые объёмы. В связи с этим России необходимо предпринять активные действия по сохранению существующих и расширению новых рынков сбыта.

А. М.: Активные действия, очевидно, как многие предполагают, в первую очередь включают в себя замещение рынков, переход на азиатское направление. Это понятно и логично, но в этом случае вопрос: каковы шансы, особенно с точки зрения ценового прессинга? Потому что, как мы понимаем, любая страна, находящаяся под санкциями, существенно влияет в условиях поставок. Например, Иран. Как Вы полагаете, каковы перспективы для нашего перехода на восточные рынки? Есть ли ещё какие-либо альтернативы?

М. С.: Мы можем рассматривать примеры двух стран, которые достаточно долгое время находятся под санкциями. Это Иран и Венесуэла. Конечно, эти страны экспортировали значительно меньшие объёмы, чем Россия. Можно считать, что на пике добычи Иран обеспечивал мировой рынок объёмами в два раза меньше, чем Россия. Венесуэла поставляла на рынок в восемь раз меньше ресурсов. Однако мы можем оценивать те события, которые происходили в этих странах, и делать предположения о возможности и характере замещения, а также анализировать затраты. В данном случае необходимо рассмотреть два аспекта.

Первый аспект — это дополнительные издержки. Необходимо понимать, что отправка нефти в Азию из европейской части через Новороссийск будет стоить значительно дороже. Это удорожание не связано с санкциями — оно связано со ставками фрахта судов, ставками транспортировки. Соответственно, при поставке не на европейский рынок подорожание составит 0,5–1 доллар за баррель в текущих условиях.

Кроме того, дополнительные издержки могут быть связанными с необходимостью предоставления скидок для покупателей российской нефти. Это приведёт к тому, что спреды на российскую нефть только возрастут. То есть в нормальной ситуации, когда *Urals* торговался на 1, 2, 3 доллара дешевле, чем *Brent*. Сейчас это десятки, 20–30 долларов за баррель в текущей ситуации, когда все ждут, что санкции могут быть ещё ужесточены.

На длительной перспективе Венесуэла продаёт нефть со скидкой в среднем 5–7 долларов за баррель. Иран, как и Венесуэла, также зависим от транспортных издержек, поскольку поставки осуществляются не напрямую, а через страны-посредники. Например, поставки нефти из Венесуэлы в Китай осуществляются не напрямую, а через Малайзию, где китайские компании её закупают, формально не нарушая санкций.

Вполне возможно, что и в случае с Россией будут выстраиваться аналогичные схемы. Но на данный момент необходимо говорить о сохранении физических поставок. Вполне возможно, что разные схемы постепенно будут выстраиваться, но будем понимать, что сейчас речь идёт о сохранении физических поставок. Спреды будут, если судить по тому, что происходило с Ираном и Венесуэлой, но речь может идти о спреде в 5–7, максимум 10 долларов для того, чтобы иметь возможность продавать нефть.

А. М.: *Сейчас очень активно обсуждаются два подхода. Один из них алармистский, другой — более оптимистичный по поводу так называемой корпоративной взаимосвязанности и взаимных интересов экспортёров нефти в рамках ОПЕК и позиции Ирана, Венесуэлы по вопросам замещения выпадающей российской нефти на рынках США, Канады и Британии.*

Скажите, пожалуйста, каково влияние ОПЕК на эту ситуацию? Может ли в данном случае, действительно, если исходить из мнения оптимистов, формирование единой коалиции стран — экспортёров нефти повлиять на изменение архитектуры рынка нефти? Или наоборот, если мы говорим об алармистских подходах, то экономическая ситуация, то есть неценовая конкурентоспособность производителей, замещающих российские поставки, на западных рынках просто вытеснит Россию из цепочек поставок и мы будем вынуждены уходить в так называемую серую, или темную, зону и пытаться торговать по остаточным принципам в ущерб себе?

М. С.: Я думаю, что рассчитывать на то, что ОПЕК+ или ОПЕК просто будет политически поддерживать Россию, не стоит. Потому что ОПЕК в целом не погружается в вопросы политические — она остаётся в рамках вопросов рынка нефти. И ОПЕК существует достаточно долго и проходила тоже через разные конфликты стран-участников. Соответственно, базово если это не затрагивает сами страны, то они и не будут в этом участвовать.

При этом надо понимать, что это вполне рациональное поведение для того же Ирана — замещать Россию на европейском рынке. В случае если Россия уйдёт с рынка, санкции с Ирана будут сняты, то вполне логично ожидать увеличения поставок. Аналогичным образом действовала и Россия, когда вводили санкции против Ирана. Российские компании также замещали Иран в Европе.

То же касается и роста поставок в США за последние 5 лет. Несмотря на напряжённость между странами, Россия поставляла большие объёмы нефти и мазута в США, замещая поставки из Венесуэлы.

Поэтому это абсолютно точно, что как Россия действовала, и страны ОПЕК будут действовать аналогичным образом. Есть возможность, есть ниша — будем забирать. Потому что соображение коллективное — это следующее, а сейчас каждый заботится о своём кошельке.

А. М.: *В таком случае возникает вопрос. Каковы границы увеличения объёма добычи нефти для стран ОПЕК с точки зрения их интересов? То есть на сегодня некоторые эксперты считают, что страны ОПЕК не заинтересованы в наращивании объёмов и они будут держать ограниченный объём, с тем чтобы поддерживать высокий уровень цен. Так ли это на самом деле?*

М. С.: Есть два противодействующих фактора. Первый фактор — что страны не хотят увеличивать добычу, для того чтобы поддержать относительно высокий уровень цен. Но, с другой стороны, если цены остаются высокими длительное время, то это приводит к двум последствиям.

Первое последствие — что становится выгодной добыча в странах не ОПЕК. Классический пример — сланцевая добыча в США, что происходило до 2014 года. ОПЕК поддерживала высокие цены, за это время развилась сланцевая добыча, которая в 2014 году и обрушила уже мировую цену. То есть если поддерживать цены высокими достаточно длительное время, возникает альтернатива.

Второй аспект связан с тем, что есть негативное влияние на спрос. То есть при более высоком уровне цен спрос будет меньше. Поэтому сейчас есть опасения по поводу того, что в обозримой перспективе может быть достигнут пик спроса на нефть.

Соответственно, если ОПЕК будет поддерживать чрезвычайно высокие цены, тогда все потребители будут пытаться уйти, использовать все доступные альтернативы. Поэтому необходимо поддерживать хрупкий баланс между краткосрочными интересами, выраженными в желании заработать больше, и долгосрочными перспективами рынка нефти в целом.

Я думаю, что при текущих ценах, которые находятся вблизи исторически рекордных уровней, преобладающими соображениями будут о наращивании добычи с целью стабилизировать рынок. Это связано с тем, что рынок не готов отказаться от нефти. Поэтому я думаю, что вполне логично для стран — членов ОПЕК, которые могут нарастить добычу в краткосрочной перспективе, принять эти меры. В первую очередь — Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты, потому что они на этом заработают.

А. М.: *Скажите, пожалуйста, повлияет ли эта ситуация на стратегию энергопереходов? И как это может повлиять с точки зрения интересов стран — экспортёров и импортёров?*

М. С.: Мне кажется, что влияние оказано будет, но какое именно, сказать пока сложно. Особенно неясна ситуация с рынком нефти. Однако если судить по рынку газа и по дискуссиям в Европе о высокой зависимости от российского ресурса, то и приоритеты в части энергоперехода, видимо, будут пересматриваться. Исходя из этого, можно предположить,

что опасения, связанные с климатической повесткой, с декарбонизацией, возможно, временно, но отходят на второй план. Сейчас европейские страны обсуждают возможность включения угольной генерации. В Германии обсуждается вопрос о сохранении использования атомных станций. То есть это в принципе противоречит тому, что обсуждалось ещё несколько месяцев назад. Поэтому, возможно, будут приняты решения, которые фактически противоречат идее энергопереходов. Сейчас более возможен частичный откат к традиционным энергоносителям, например к углю. Поскольку решать две задачи одновременно невозможно. Необходимо выбрать наиболее значимую, и, судя по тому, какие решения принимаются, для европейских стран это снижение зависимости от российской нефти.

А. М.: Как раз мы плавно подошли к европейским странам и их зависимости от поставок энергоресурсов из России. Хотелось бы немного поговорить о том, насколько вероятны перспективы ухода от зависимости в части российского газа и формирования каких-то замещающих поставок из других регионов для европейских стран в долгосрочной перспективе.

И ещё один момент — вопросы ценообразования и изменения подходов к третьему энергетическому пакету. Будет ли определённая реакция в плане снижения требований этого энергопакета третьего или, наоборот, мы получим ужесточение и более ускоренное развитие, применение, действие этих ограничений в отношении к российским поставкам?

М. С.: Мне кажется, что европейские страны, европейские комиссии объявили уже, что разрабатываются конкретные документы о том, как снижать зависимость. Скорее всего, они будут приняты, возможно, будут приняты какие-то цели и распределение между странами о том, кто насколько будет снижать закупки. Нужно понимать, что отказаться от поставок российского газа невозможно как по причинам зависимости, так и по причинам действия долгосрочных контрактов.

Поэтому сейчас с точки зрения сохранения поставок объемов для России защитой выступают разные ограничения, связанные с отсутствием альтернатив и действующими долгосрочными контрактами. В перспективе ближайших 10 лет снизить закупки возможно, но полностью отказаться от российских ресурсов невозможно.

Необходимо проанализировать основных поставщиков нетрубопроводного газа. Наверное, немного увеличить добычу может Норвегия, собственная добыча ЕС может быть как-то пересмотрена. Но, по всей видимости, основным замещающим источником будет СПГ. Потому что существующая инфраструктура по приему СПГ, в принципе, позволяет увеличивать его поставки. Здесь нет принципиальных проблем с точки зре-

ния инфраструктуры — здесь есть проблемы с точки зрения предложений, кто должен обеспечить замещающий СПГ.

Мне кажется, на данный момент есть два основных возможных поставщика. Первый вариант — Катар, который долгое время не увеличивал добычу. Однако сейчас в стране реализуются проекты по дополнительной разработке своих месторождений или строительству новых СПГ-заводов. Соответственно, Катар может увеличивать долгосрочно поставки газа.

А второй вариант — это США. У Штатов есть много проектов, которые находятся в разной степени разработки. Есть много компаний, которые имеют те или иные инвестиционные проекты по разработке своих месторождений и строительству СПГ-заводов. В принципе, при текущих уровнях цен мы не знаем, насколько они будут оставаться такими же, насколько снизятся и так далее. Но сейчас цены супервысокие. Соответственно, все проекты, которые есть в Америке, будут выгодны.

Поэтому в долгосрочной перспективе возможность полного перехода на СПГ есть. Однако это произойдёт не в ближайшее время. Поскольку сейчас нет необходимого числа СПГ-заводов, на постройку которых уйдёт около 5 лет. Но через 5 лет возможно развитие инфраструктуры для приёма СПГ в Германии. Я думаю, что такое развитие рынка вполне возможно.

Поэтому и России необходимо развиваться в этом направлении, искать альтернативы, расширять поставки на азиатский рынок. Снижать собственную зависимость от рынка Европы.

Что касается третьего энергопакета, то я не думаю, что здесь произойдут какие-то принципиальные изменения с точки зрения подходов к регулированию. Это история долгосрочная, она развивается на протяжении десятилетий уже, и какие-либо глобальные пересмотры вряд ли произойдут.

Скорее Европа будет выступать больше за некий единый рынок газа, с тем чтобы обеспечивать перетоки из одной части в другую, с целью эффективного использования внутренней инфраструктуры. Но крупных трубопроводных проектов, относительно которых вставал бы вопрос, о попадании под требования по анбандлингу и так далее, на горизонте сегодня нет.

А. М.: Спасибо большое. И последний вопрос. Коль скоро у нас довольно серьёзная ситуация, подскажите, пожалуйста: какие контрмеры или контрсанкции мы можем ожидать или должны применить для поддержания энергосектора России и минимизации отрицательных последствий с точки зрения интересов российского экспорта?

М. С.: Это сложный такой вопрос. Мне кажется, здесь тоже тонкий баланс между тем, чтобы не навредить себе. Потому что здесь мы выходим не только в сферу энергетики: сейчас это очень связано как и с общей экономической ситуацией в стране, так и с финансовой ситуацией. Потому

что из-за введенных санкций Центральный банк потерял часть своих валютных резервов. Соответственно, основным фактором поддержки рубля сейчас является экспортная выручка, которая в основном формируется за счет нефти и газа. Поэтому необходимо четко понимать, что в случае полного отказа от поставок в ЕС Россия будет терять выручку, которая сейчас поддерживает курс.

Поэтому мне кажется, что каких-то скоропалительных решений принимать не стоит. Основные усилия как раз с точки зрения отрасли, с точки зрения поддержки должны быть направлены на то, чтобы помогать компаниям выходить на новый рынок и замещать на строительство дополнительной инфраструктуры, которая ориентирована на Запад.

В части газа, наверное, необходимо создать конкурентоспособную российскую технологию по сжижению газа. Потому что сейчас пока конкурентоспособность отстаёт. А с точки зрения государственной необходимости — поддержать именно развитие внутренних технологий и таким образом помочь сектору.

Игорь ЮШКОВ

Аза Мигранян: *Ситуация на мировых рынках на сегодняшний день остаётся центром санкционной борьбы, которая влияет не только на экономику, но и на социальную ситуацию в большинстве стран, включая Россию. Как Вы полагаете, каковы на сегодняшний день проблемы, имеющиеся в текущей обстановке у российской энергосферы, — объявление эмбарго со стороны США по отношению к российским энергоносителям, нефти, сохранение европейских поставок? Кроме того, как Вы оцениваете высокий темп роста цен на энергоресурсы, который мы наблюдаем?*

Игорь Юшков: На сегодняшний день введенные санкции, кризис и спецоперация никак не повлияли на фундаментальные факторы. Текущая торговля углеводородами продолжается как ни в чём не бывало, за исключением торговли с США. Евросоюз не отказывался ни от российской нефти, ни от газа, ни от угля.

В основном фундаментальные факторы остаются такими же, как раньше.

ЮШКОВ Игорь Валерьевич, ведущий эксперт Фонда национальной безопасности, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: ushkovigor@gmail.com. SPIN-код: 5693-0136.

Во-первых, это продолжение энергетического кризиса, который наблюдался весь 2021 г. В прошлом году были сбои в работе ветряной энергетики, в связи с чем выработка на ветряных электростанциях была меньше, чем европейцы предполагали и чем обычно бывает. Поэтому один из источников энергии в Европе несколько выпал и надо было его чем-то замещать — начали замещать газом. Однако газа стало не хватать, потому что Китай первым вышел из коронавируса, первым стал развивать свою экономику большими темпами и оттягивать на себя очень много газа. Объёмы импорта газа в Китае выросли более чем на 10 % за 2021 г. Поэтому он закупал за достаточно высокую цену все излишки любого газа свободного рынка.

Это привело к формированию в Европе дефицита. Более того, если страны Европы хотели купить СПГ, то им было необходимо давать ещё более высокую, чем в Азии, цену.

Во-вторых, необходимо учитывать, что по окончании прошлого отопительного сезона Европа оказалась с пустыми подземными хранилищами. Соответственно, им надо было всё лето закупать газ к следующему отопительному сезону.

Но из-за того, что дефицит постоянно нарастал, постоянно росла цена, компании ждали сезонного понижения цены для приобретения необходимых объёмов. Традиционно после окончания отопительного сезона цена на газ снижается, а в 2021 г. этого не произошло.

И в итоге компании весь год думали: «Нет, я сейчас не буду покупать, не буду запасаться в подземные хранилища или сделаю это меньше, чем обычно, потому что вдруг дальше подешевеет, и я, получается, летом купил задорого, а зимой продам задёшево, и мне надо будет зафиксировать убытки». Поэтому к началу отопительного сезона в ноябре 2021 г. европейцы подошли с довольно низкими объёмами газа в подземных хранилищах, заполненность была около 73–75 %.

Сейчас мы видим продолжение и усугубление тех негативных тенденций, которые были сформированы на рынке и нефти, и газа ещё в 2020–2021 гг.

С собственными ресурсами у Европы возникли проблемы, так как СПГ-завод в Норвегии находится на ремонте, а получать необходимые объёмы из Австралии тоже не получалось.

В итоге в феврале–марте, несмотря на кризисную ситуацию и спецоперацию, поставки из России в Европу только увеличились. Из-за низких объёмов газа в ПГХ страны Европы переходят на использование импортного газа, поскольку ежедневно им нужны большие объёмы, чем в декабре и январе. Соответственно, транзит через Украину удвоился: если в первый день он составлял 50 млн куб. м, сейчас уже — 109 млн. Возобновилась прокачка через газопровод Ямал — Европа. Поэтому в этом плане торговля газом даже больше стала. И санкции никак её не касаются.

* * *

С другой стороны, что мы видим на рынке нефти. Опять же, в 2020–2021 гг. из-за пандемии была сделка ОПЕК+, которая существенно снизила объём производства, страны-участники регулируют добычу, регулируют квоты. Получается, что в 2021 г. не вкладывали деньги ни в новые проекты, ни в поддержание добычи на текущем уровне, потому что объёмы производства были снижены, соответственно, вложение инвестиций не было столь необходимо. Сейчас недоинвестирование сказывается.

С сентября 2021 г. ОПЕК+ ежемесячно увеличивает квоту на добычу суммарно на 400 тыс. баррелей в сутки, но многие страны уже добыть такие объёмы не могут в связи с недоинвестированием. Для наращивания объёмов необходимо вкладывать гораздо больше денег, а ряд африканских стран, например Ангола, не в состоянии добывать предписанный объём нефти. Даже Россия не всегда успевает ежемесячно увеличивать добычу.

Получается, что спрос восстановился в большинстве стран фактически в полном объёме, в некоторых странах даже наблюдается превышение допандемийного спроса. Но производители нефти предоставить такие объёмы не могут. В итоге мы наблюдаем рост цен, связанный не только с текущим кризисом, но и с нерешёнными прошлыми проблемами. Кроме того, нельзя не учитывать и общую нервозность на рынке.

Поэтому мы видим: как только появляется какая-то информация о возможном введении санкций против текущей торговли, цена сразу улетает вверх.

Последний рекорд цен был связан с заявлением США о внесении на рассмотрение законопроекта о запрете ввоза российской нефти, газа, угля, нефтепродуктов и последующим заявлением европейцев о подготовке схожего законопроекта. Возникшая паника на бирже привела к стоимости на фьючерс на газ до 3892 долл. за 1 тыс. куб. м. После заявлений европейских политиков о том, что такого законопроекта нет, цена снизилась до 2200 долл.

Проблемы рынка ещё больше усугубились политическим фактором, риском прерывания поставок на европейский рынок. С нефтью примерно такая же история, сказывается недофинансирование и недоинвестирование в добычу.

Кроме того, США, которые не участвуют в ОПЕК+, не наращивают добычу, потому что у них есть некий страх, что по окончании кризиса актуальность наберёт прошлая глобальная повестка — глобальное потепление.

Американские нефтедобывающие компании достаточно сильно опасались попасть под зелёную повестку и получить значительный штраф и предписания по снижению добычи. Следовательно, многие компании опасаются нарастить добычу, вложить в этот процесс большие деньги и потерять их в случае возврата внимания с ситуации на Украине на экологическую повестку.

Высокие цены на нефть связаны не только с усугубившимся дефицитом, но и с геополитическим фактором. Несмотря на заявления Джо Байдена о росте цен на бензин в США на фоне спецоперации, цены начали расти ещё в прошлом году, до введения санкций. Схожая ситуация наблюдается и в Европе. Просто на фоне санкций цена на нефть ещё больше поднялась, а у них прямая корреляция — стоимость нефти и стоимость топлива на внутреннем рынке.

Поэтому, с одной стороны, фундаментально ничего не поменялось.

* * *

С другой стороны, мы видим отдельные эффекты, которые возникают из-за этого конфликта.

Во-первых, компании-трейдеры пока не понимают, что точно можно с Россией делать, а что нельзя. Из-за этого возникает страх вывозить российскую нефть танкерами. Вследствие этого России приходится делать дополнительную скидку, которая покрывала бы риски для всевозможных страховщиков, для владельцев танкеров, чтобы кто-то, может быть, и без страховки забирал эту нефть. В первые дни санкционных ударов бывало, что *Brent* торгуется на бирже по 110–120 долл., а чтобы продать *Urals*, приходилось давать скидку почти 8 долл., потом она, конечно, уменьшилась до 10 долл.

Но этот эффект есть, безусловно. И пока не установятся новые правила игры и все не поймут, что конкретно можно, а что запрещено санкциями, такие колебания в плане скидок будут. Многие покупатели этим пользуются и пытаются выторговать для себя более низкие цены, например китайцы по Дальнему Востоку, и с западного направления наш *Urals* покупают именно так.

Тем не менее мы не видим какого-то снижения добычи из-за того, что пропал рынок сбыта: покупатели всё равно будут.

В случае с США Россия поставляла в достаточно значительных объёмах только нефтепродукты (дизель и мазут) и нефть. Если посмотреть динамику рынка за конец февраля — начало марта, то долю российских поставок уже занимала Саудовская Аравия. Фактически Россия и Саудовская Аравия поменялись рынками, сейчас мы больше будем поставлять в Азию, а саудиты — в США. Поэтому в этом плане для российской отрасли в целом ничего не произошло.

Однако необходимо подождать около двух месяцев, чтобы оценить реальное воздействие санкций. Пока санкции на текущую торговлю особо не повлияли.

А. М.: Предположим, мы исходим из оптимистического сценария сохранения объёмов торговли нефтью и газом как минимум до конца этого года. Как

повлияют санкции, которые предприняты в области инвестиций, запрет или частичное сокращение технологических поставок и участие в совместных проектах? Действительно ли они могут нанести непоправимый урон нашей топливно-энергетической и нефтегазовой системе? Либо мы способны на импортозамещение и поддержание как минимум нынешнего уровня?

И. Ю.: Я думаю, что в этом году объёмы добычи нефти будут такими же или даже чуть больше, чем в прошлом году. Достаточно сложно сказать, насколько компании готовы заменить какое-либо иностранное оборудование. Опять же не понятно, насколько жёстко будут применяться санкции. Как правило, когда США вводят санкции, они выдают множество исключений, либо указывают санкционный период, либо указывают конкретные компании.

Потому что первый пакет санкций, который запретил поставку высокотехнологичной продукции в Россию, включает в себя запрет на поставку программного обеспечения. Насколько наши компании задействовали этот софт, насколько много у них западного оборудования, сказать сложно.

Возможно, что-то будет заменено китайским оборудованием, что-то — российским. В краткосрочной перспективе, может быть, эффективность работы компаний понизится, будет больше издержек, чаще — ремонты какого-то оборудования.

Но в целом, я думаю, в этом году даже за счёт инерции пройдем мы вполне нормально. Опять же, посмотрим, не будет ли санкций со стороны Евросоюза, запрещающих покупку нефти, потому что это усилит турбулентность, надо будет искать другие рынки для гораздо большего объёма нефти, нежели чем с США. Но в целом, я думаю, по нефти проблем не должно быть.

* * *

По газу гораздо лучше ситуация с технологической точки зрения. У нас довольно простые классические месторождения, на суше, где мы добываем, проблем возникнуть не должно.

Однако остаются вопросы, касающиеся СПГ-проектов. Насколько можно будет продолжать закупать для проектов, которые считаются уже включёнными в работу. Прежде всего это касается «Арктик СПГ — 2» у НОВАТЭКа. В состав акционеров входит ряд иностранных структур и банков (порядка 600—650 млн долл. должны были выделить итальянские акционеры), и, несмотря на то что финансирование было уже утверждено, фактически не все средства были получены. На данный момент есть риск, что они откажутся от своей части, хотя и формально НОВАТЭК не находится под санкциями ЕС.

Часть финансирования (около 2—2,5 млрд долл.) должны были выделить китайские банки. Однако на данный момент Китай занял выжидательно нейтральную позицию и пока не ясно, как он будет себя вести в сложившейся ситуации.

Ещё часть должна была поступить из отечественных банков, однако один из банков, ВЭБ, находится под максимально жёсткими санкциями со стороны США. В связи с чем сотрудничество с ним может быть невыгодно как для НОВАТЭКа, так и для зарубежных партнёров.

Также неясно, можно ли НОВАТЭКу приобретать необходимое оборудование за рубежом. Неясно, откажутся ли иностранные партнёры по имеющимся контрактам отгружать оборудование или не откажутся.

Если завершение проекта «Арктик СПГ – 2» возможно, то другие заявленные проекты, скорее всего, будут поставлены на паузу. Восстановления этих проектов можно ожидать ближе к 2030-м гг.

Сейчас ждут, что Россия пойдёт на сближение в этой сфере с Китаем или Индией, но чёткие прогнозы пока строить рано.

А. М.: С покупателями всё понятно, особенно если мы говорим о Китае: он никогда не упускал своей выгоды. И понятно, что в данной ситуации будут давить на российские компании, ждать большего дисконта, большего снижения цены. Как развивается ситуация с продавцами, с экспортёрами, с партнёрами по ОПЕК? Можем ли мы говорить о том, что есть некое взаимопонимание, не исключающее конкуренцию, но на честных условиях? Или всё-таки сильный победит слабого?

И. Ю.: Действительно, были новости о том, что президент США Джо Байден пытался позвонить в Саудовскую Аравию и Объединённые Арабские Эмираты, но там не ответили на звонки. Эти страны пытаются сохранить спокойную позицию и сохранять некий нейтралитет. Потому что, если они пойдут на поводу у США и резко нарастят добычу без учёта квот, ОПЕК+ как формат будет разрушен навсегда. Поэтому после давления со стороны США ОАЭ нарастили добычу исключительно в рамках договорённостей ОПЕК+, достигнутых ещё в прошлом году, – ровно по 400 тыс. баррелей в сутки.

Конечно, у Соединённых Штатов большая надежда на Венесуэлу, частично – на Ливию, но прежде всего – на Иран. Ключевая роль Ирана состоит в том, что, несмотря на санкции, у него сохранилась нефтедобывающая промышленность. Несмотря на запрет приобретения иранской нефти, добытая ранее уже сохранена в танкерах. Более того, они могут за несколько месяцев нарастить объём производства на 1, 1,5, 1,8 млн баррелей в сутки к концу года. Отдельно необходимо отметить, что формально на Иран не распространяются санкции ОПЕК+.

Но в ходе переговоров явно что-то пошло не так, и процесс по выводу Ирана из-под санкций пока остановлен.

Стратегически в Венесуэле возможно добывать даже больше, чем в Иране, потому что страна является мировым лидером по запасам нефти. Но, с другой стороны, деградация нефтедобывающей отрасли гораздо больше,

чем в Иране. В ходе ведения внутренней политики отрасль не получала необходимого финансирования, соответственно, не могло быть и развития. Введённые санкции только добились отрасли.

После выведения страны из-под санкций лидеры Венесуэлы не будут выступать против торговли с США, несмотря на известную агрессивную антиамериканскую риторику. Но восстановление нефтяной отрасли в стране и налаживание торговли уйдут годы.

Поэтому ситуация в странах ОПЕК+ достаточно неясная: кто-то не готов, кто-то не хочет, а кто-то и не может полностью заменить Россию на рынке энергоресурсов.

А. М.: Можно ли ожидать, что геополитические изменения приведут к неким тектоническим сдвигам на энергетических рынках? Сейчас несколько утратил актуальность вопрос об энергопереходе — возможно ли возвращение к этой теме? Или всё-таки энергорынок останется привязан к ресурсам и лидерство на рынке будет зависеть от внутренних запасов?

И. Ю.: Действительно произошли тектонические сдвиги во всех сферах. И мир уже не будет прежним, в том числе в энергетике. Даже если Россия дойдёт до разрыва отношений со странами Европы, что, безусловно, никому не выгодно, напряжённость всё равно останется. Европейцы кардинально меняют свою энергетическую стратегию, в ответ на это и нам стоит рассматривать иные стратегические направления.

Для России наиболее выгодным будет смещение энергетических интересов и рынков сбыта в сторону Востока. В первую очередь это связано с тем, что европейцы в любом случае будут искать замену российским ресурсам или как минимум сокращать зависимость от углеводородов (меньше 20–25%). На данный момент страны Европы заявляют об отказе от российских ресурсов к 2027–2030 гг.

России необходимо разворачиваться на восток, искать пути взаимодействия в первую очередь в газовой сфере. В газовой сфере мы имеем самую большую взаимозависимость с европейцами. Без учёта поставок в Турцию мы поставили в Европу 150 млрд куб. м газа, ни одна страна не сможет поставить аналогичные объёмы. Несмотря на наличие в некоторых странах СПГ-заводов, часть из них загружена, а свободная мощность составляет 70 млрд куб. м. Следовательно, даже если страны Европы найдут, где приобрести необходимый им объём газа, его некуда закачать. Кроме того, есть вопросы и с доставкой газа вглубь континента.

Но полноценная замена российского трубопроводного газа невозможна. Равно как и мы не можем перенаправить газ, поставляемый по трубопроводам в Европу. Если европейцы сокращают закупку российского трубопроводного газа, мы вынуждены на такой же объём снизить добычу.

Для России новая стратегия в газовой сфере будет заключаться в том, чтобы договориться на взаимовыгодных условиях с Китаем о строительстве газопровода Сеул — Сибирь — 2 из западносибирских месторождений в КНР. На данный момент этот газопровод рассматривается только как дополнение. Однако у нас есть возможность нарастить добычу на западносибирских месторождениях и монетизировать её с помощью поставок в Китай. Сейчас он будет рассматриваться именно как замена европейского рынка на случай, если европейцы будут сокращать закупки нашего газа.

На сегодняшний день есть большой риск того, что при отказе Европы от российского газа Китай запросит за него достаточно низкую цену. В связи с этим до Китая необходимо донести другую мысль: как европейцы будут сокращать зависимость от российского газа? Страны Европы заявили о строительстве новых приёмных СПГ-терминалов, в Германии уже начали строить минимум два.

Из этого следует: европейцы готовы переплачивать, лишь бы это не был российский газ. Они готовы платить за СПГ значительно больше, чем Китай. Это, как следствие, приведёт к потере Китаем некоторых объёмов.

Исходя из этого России необходимо донести до Китая идею о том, что российский трубопроводный газ — это более надёжный вариант и доступный по выгодным ценам. Следовательно, необходимо заключить взаимовыгодные контракты. Эту идею необходимо продвигать в Китай достаточно активно.

Вторая стратегическая задача в газовой сфере — это любыми путями получить технологию строительства крупнотоннажных СПГ-заводов. Потому что сейчас у нас такой технологии нет, на Сахалине завод построила *Shell* по своей технологии, «Ямал-СПГ» построен по технологии американской компании, «Арктик СПГ — 2» строится по технологии немецкой *Linda*, их же технологии предполагалось использовать в Усть-Луге. НОВАТЭК по-пробовал четвёртую очередь проекта «Ямал СПГ» построить на технологии «арктический каскад» на базе российского оборудования. Однако к данной технологии есть большой ряд претензий.

Первоочередная задача — чтобы у нас была гибкость в экспорте газа, чтобы мы могли выбирать, на какой рынок отправить. Российско-европейские отношения нестабильны, они в любом случае будут искать другого поставщика.

* * *

Вопрос энергоперехода действительно интересен. Зелёная повестка по-прежнему будет существовать. Однако если ранее говорилось о необходимости спасать планету от глобального потепления, то сейчас акцент будет сделан на том, что это независимая энергетика. Энергия вырабатывается на территории страны, нет никакой зависимости от поставщиков, соответственно можно вводить различные санкции по любому поводу.

Переход к ВИЭ наиболее выгоден для США, потому что ранее вопрос ставился так: «Мы за ВИЭ и остальных заставим развивать ВИЭ». Европейцы актуализировали зелёную повестку методом введения так называемого углеродного налога — отслеживать у всех углеродный след и взимать углеродный налог.

В текущих реалиях будет происходить не только развитие ВИЭ, но и развитие любой другой энергетики, лишь бы не получать ресурсы из России. Поскольку сейчас европейцы даже не станут смотреть на углеродный след от американского СПГ: всё равно, лишь бы не российский.

Для американцев возобновляемая энергетика не была очень выгодна, потому что они крупнейшие производители в мире газа, нефти, крупные производители угля. Несмотря на то что они лидеры по добыче, лидерами по поставкам они не являлись. Убивать такую гигантскую нефтегазовую отрасль под предлогом спасения планеты по большому счету американцам было невыгодно. Сейчас же, получается, у них возникают ещё и дополнительные рынки сбыта, и никто не спрашивает, сколько делается выбросов, потому что европейцы сами будут вынуждены увеличивать эти выбросы.

Поэтому климатическая именно риторика уходит, а остаётся риторика просто энергоперехода к независимым источникам энергии. Хотя в реальности дальше возникнут вопросы, откуда берётся литий, откуда берутся редкоземельные металлы, всевозможные другие элементы, которые нужны для развития возобновляемой энергетики. И тут тоже много нам «открытий чудных» принесёт этот переход.

Тем не менее такая трансформация причин, почему надо развивать возобновляемую энергетику, безусловно, тоже произойдёт. И я не знаю, вернёмся ли мы к такому накалу страстей по поводу спасения климата когда-либо. Возможно, когда европейцы сочтут, что оставшийся уровень зависимости от одного из поставщиков (Россия или другие страны) не несёт им угрозы, тогда вопрос о климате вновь вернёт свою актуальность.

А. М.: Россия увеличила объём поставок газа, в том числе поставляемого через Украину. Какой именно газ мы поставляем? Объёмы, прописанные в договоре, или всё-таки дополнительные объёмы по текущей рыночной цене?

И. Ю.: Насколько я понимаю, объёмы поставляются в соответствии с долгосрочными контрактами. В конце декабря — январе была некая просадка по объёмам прокачки, ввиду того что покупатели не забирали все доступные объёмы. Закупки сократились из-за высокой цены, возникла альтернатива — либо закупать у «Газпрома» по высокой цене, либо больше отбирать из ПГХ.

Конечно, страны Европы пытались минимизировать отбор у «Газпрома», потому что были более выгодные предложения по СПГ ввиду достаточно

тёплой зимы в Азии. В Китае возник избыточный объём газа, который он перепродавал в Европу. Кроме того, большие объёмы забирались из собственных ПГХ. В связи с этим по поставкам из России за январь—февраль наблюдалась некая просадка*.

Сейчас же Китай уже не может перенаправлять газ, более того, собственный газ в ПГХ у европейцев практически кончился. На данный момент у них газа меньше, чем было в прошлом году на конец отопительного сезона, а тогда считалось, что они вышли из отопительного сезона с опустошёнными хранилищами. Один из вариантов, который хотят осуществить в Европе, — это обязать всех заполнять подземные хранилища газа к 1 октября на 90 %. Соответственно, им потребуется ещё больше газа.

В связи с этим, я полагаю, год будет достаточно дорогим в плане покупок газа. На этом фоне довольно странными выглядят заявления о готовности отказаться от российского газа. По этой причине единства мнений по сокращению закупок или полному отказу от российского топлива в Европе нет.

А. М.: Какие рекомендации Вы могли бы дать по поводу сохранения позиций российских компаний на энергетическом рынке в данной ситуации?

И. Ю.: Я думаю, европейцам не стоит делать каких-то безответственных заявлений, как сделал министр энергетики Германии о том, что они смогут отказаться от российской нефти и угля уже к концу года. Европейцам важно понимать, что предписание о прекращении закупок может быть воспринято Россией как санкции в энергетике, что приведёт к ответным акциям. По крайней мере, на это намекал А. Новак.

Однако и российской стороне необходимо помнить о том, что около 40 % доходов в федеральный бюджет поступает за счёт нефтегазовой сферы. Поэтому главное тут — не делать резких шагов, продолжать оставлять торговлю энергоресурсами за скобками этой санкционной борьбы.

Прежде чем делать громкие заявления об отказе от европейского рынка, необходимо в первую очередь подготовиться к другим рынкам. Поэтому здесь надо всем адекватно оценивать, насколько мы готовы усиливать это санкционное противодействие друг другу.

А. М.: Спасибо большое, Игорь Валерьевич, за беседу.

* По последним данным, закупки в ПГХ в последние месяцы осуществлялись по цене от 500 до 800 долл. Федеральная таможенная служба сообщала, что в январе «Газпром» продал газ на рекордную сумму — около 9,5 млрд долл., несмотря на то что отгруженные объёмы были не слишком высокие. Около 16 стран Европейского региона покупали газ по цене больше 1 тыс. долл. за 1 тыс. куб. м.

RISK FACTORS IN THE GLOBAL ENERGY MARKET: SANCTIONS, GEOPOLITICS AND THE RUSSIAN ENERGY SECTOR. INTERVIEWS.

DOI: 10.48137/2687-0703_2022_17_1_6

Received: 25.03.2022.

For citation: Risk factors in the global energy market: sanctions, geopolitics and the Russian energy sector. Interviews / S.P. Mitrakhovich, M.R. Salikhov, I.V. Yushkov. – *Goeconomics of Energetics*. № 1 (17). P. 6–33. DOI: 10.48137/2687-0703_2022_17_1_6

Keywords: economic sanctions, oil and coal export embargoes, energy prices dynamics, geopolitical factors, global energy market, EU energy market.

Abstract

The article presents opinions of leading experts on the situation in the world energy markets emerging in the context of comprehensive economic sanctions against Russia. Experts have assessed the geopolitical, economic and logistical factors in the new system of discriminatory sanctions against Russian energy companies, as well as outlined the negative effects of their impact on global energy markets and the Russian energy sector.